

ЭВФЕМИЗМЫ В ЯЗЫКЕ СМИ

Область эвфемизмов является одной из самых подвижных сфер лексической системы современного русского языка. Эта динамика вызвана разными причинами. Одна из них уходит своими корнями в глубокую древность, когда возникала магия слова, процветало колдовство, в котором слово - орудие, инструмент. Тогда складывалось табу - запрет совершать определенные действия или запрет произносить те или иные слова, выражения (особенно часто собственные имена). Древний человек относился к слову не как к условной, внешней метке предмета, а как к его неотъемлемой части. Эти представления отразились в многочисленных вариациях словесных запретов, которые существовали у людей, боящихся что-либо называть, чтобы «не сглазить». Например, некоторые животные охранялись культовыми представлениями. Такими животными для славян были волк и медведь. Индоевропейское название медведя - (сохранившееся, кажется, в латинском) *ursus* — заменено эвфемизмом со значением «едящий мед». На русском севере еще до недавних пор принято было, чтобы не разгневать хозяина тайги или избежать болезни или какой-нибудь другой беды, изменять их название. Об этом, например, говорили до сих пор сохранившиеся в текстах русских заговоров названия лихорадок. В заговорах и народных говорах отмечены названия, в основе которых лежит признак эмоционально положительный. Такие названия можно считать табуистическими - например, *добруха*. Сюда же примыкают названия: *тетка, гостя, гостьюшка, кумоха, кумуха*, а также следующие названия: *Марья Иродовна, пляся, плясунья* - древнее и частое наименование лихорадки (наименование указывает на плясунью Саломею, дочь Иродиады, согласно библейской легенде [Черепанова, 2005:21-23]).

Родовое божество восточных славян называлось домовым, но не только: родовик, дедушка, сам, доможир, дедко, хозяин, суседко и др. Обозначение черта у славян: *лукавый, нечистый, вражий сын, лысый дядька, бесовское племя, хвостатый, нечистый дух, приятель из болота, проворный франт с хвостом и козлиной бородою* и т.д. (древний запрет на произнесение имени нечистой силы широко использован в повести Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»).

Современному человеку также свойственно «укрываться» от болезни и смерти, поэтому эвфемизмы в этой области преобладают: *уйти из жизни, угаснуть, оставить этот мир* и др. Характеризуя подобные номинации можно отметить, что они относятся к зоне семантической

Неопределенности и отличаются пониженным уровнем конкретности. Их можно приложить к довольно широкому классу объектов.

Другая причина динамических процессов, связанных с эвфемистическими именами, своими корнями уходит в культурологический код, отражающий групповое, коллективное или индивидуальное отношение говорящих к референту. Эвфемизмы формируются в пространстве меж-человеческих связей и взаимодействии символов и знаков. В этой сфере преобладают эвфемизмы, обычно связанные с заимствованными словами, такие слова нейтральной конкретности обладают семантической редукцией на основании того, что они не до конца освоены языком: большинство носителей русского языка воспринимают их как непроемчивые и немотивированные, поэтому такие слова, отвечают характерной цели эвфемизации - завуалировать какое-либо «устаревшее», не совсем приятное содержание. Особенно активно они выходят на поверхность частотного употребления в периоды резких перемен в общественной жизни, когда возникает потребность смены «имиджа» у того или иного слова.

В качестве характерного примера этого явления можно привести активизацию употребления слова *киллер*. Словарь трактует английское слово *killer* - платный наемный

убийца, бандит, гангстер. Данный словарь не является нормативным: он предлагает переводные варианты значений иностранных слов, как они складываются в русской речи [Комлев, 2006]. Для носителей русского языка связь между денотатом и сигнификатом на начальном этапе освоения иноязычного слова затемнена. Еще совсем недавно это слово не было известно русскому языку. См., например, такой текст: «Каким-то образом в его комнату вошел киллер - впрочем, не было тогда таких слов (1980 г.), просто убийца - и он (премьер-министр) был застрелен в собственной постели» [Пази, 2007:46]. Почему же потеснилось слово *убийца*, дав место заимствованному из английского языка слову *киллер*. В заимствованном слове киллер закодирован своеобразный иммунитет против моральной оценки, закрепленной за словом убийца: это работа, выполняемая за оплату [Комлев, 2006]. Слово киллер апеллирует к новому концепту в коллективном языковом сознании носителей русского языка. Формирование такого концепта связано с жизнью современного социума. «У СМИ Кыргызстана появились профессиональные киллеры - это факт» («Слово Кыргызстана», 17 апреля 2007 г.). У заимствованного слова на фоне обычного «убийца» проявляется нейтрализация оценки за счет затемнения семантического ядра содержания «киллер». На передний план выступает активизация периферийных сем: романтизация образа, высокий профессионализм, и соответственно, слово рассматривается сквозь призму положительной оценки. Вот примеры заголовков, которыми пестрят страницы современных газет: «Киллер и старушка» («Российская газета, 13 марта 2008 г.), «На роль киллеров -своих знакомых» («МСН» 11 марта 2008 г.), «Там сидел один киллер... У него пятьдесят трупов, он ни разу в жизни не промахнулся» (журнал «Профиль», август 2007 г.). В качестве примера можно привести анекдот, который по своей оценочной абсурдности находится за гранью здравого смысла: «Киллер приходит к человеку, которого собирается убить, и задушевно говорит ему: «Вы будете приятно удивлены, узнав, кто Вас заказал».

Неотъемлемой частью массовой культуры нашего общества за последние десятилетия стали многочисленные персонажи фильмов боевиков, то есть киллеры, беспощадно убивающие свои жертвы. Совсем недавно в 2007 г. вышло несколько популярных серий о профессиональном киллере, которому стыдно за совершенные преступления, и где он отчаянно пытается понять, как же он до этого дошел («Идентификация Бор-на», «Девушка Борна» и др.). Думается, что это связано со сдвигом символического порядка в социуме. В идеологическом пространстве общества пунктом пристегивания вновь возникающих понятий служит некоторый центр, придающий конкретное значение остальным понятиям формирующимся вокруг центрального. Сдвиг символического порядка парадигмы слов связанных с обозначением христианских заповедей «Не убий», «Не прелюбодействуй» приводит к появлению слов, обладающих некоторой семантической редукцией, поэтому возникает новая парадигма: не душегуб, а *киллер*; не шлюха, а *интердевочка*, *путана*; не продажность, а *коррупция*; не бездомный, а *клошар* и др. Поэтому текст, вынесенный в заголовок газетной статьи, не вызывает чувства законного протеста: «Депутаты ходатайствуют за киллеров» («Новый Кыргызстан», 17 марта 2007 г.). Точно такое же нравственное оправдание своего дела имеется у наемных убийц, угодливо именуемых киллерами: «Это моя работа, мне за это платят».

Смещение парадигм затронула и сферу эвфемистических наименований женщин легкого поведения: *ночная бабочка*, *путана*, *интердевочка*, *гейша*, *гетера* вместо «продажная женщина». «Путаны против реконструкции красного квартала» («Вечерний Бишкек», 2 февраля 2008 г.), «Ее, как сейчас помню, отлавливал оператор в «Интердевочке», где Ин-геборга прикидывалась путаной...» (журнал «Медведь, 2006, №1), «Но вернемся к гейшам, есть места, где они устраивают ночные оргии в своих квартирах» («МСН, 2 марта 2007 г.). «Мужчина в баре гостиницы «Сибирь»: «Хочу познакомиться с *сибирячкой*, ну не познакомиться, время провести, и чтоб с настоящей *сибирячкой*, как бы

это сделать?» Барменша, не поворачиваясь, говорит: «Большое дело. Выйдите в вестибюль, они там сидят, *сибирячки* эти, и недорого» («Реальная Россия», 2007, №1) Здесь мы видим окказиональный эвфемизм, характерный для номинации этого денотата.

Смена культурных коннотаций может рассматриваться как диалогическая реакция на культурные установки предшествующего периода. В русском языке бытовало слово «покровитель, патрон», в настоящее время в экономике и политике возникла необходимость выделить и обозначить такое явление, как спонсор. Спонсор - это физическое или юридическое лицо, оказывающее финансовую поддержку кому-либо. Предполагается, что спонсор совершает благодеяние, но оказывается, что часто благодеяние спонсора не является бескорыстным. Так, в русском языке слово спонсор становится эвфемизмом для обозначения богатого содержателя женщины. Активное использование этого слова в массовой культуре внедряет в языковое сознание мысль о том, что оказание финансовой поддержки в обмен на услуги есть положительный факт.

В русском дискурсе широко распространены эвфемизмы, заменяющие прямые наименования в сфере денег и денежных отношений: «Он стал жертвой желтого металла» («Вечерний Бишкек», 5 февраля 2008 г.). Для политического дискурса характерно эвфемистическое переименование денотата. Основное направление эвфемизации выступает в виде перекодировки с заменой оценочного знака или увеличение семантической неопределенности: *невидящий* вместо слепой, *ищущий работу* вместо безработный, *третий возраст* вместо старость, *ршивающие страны* вместо отсталые страны, *глубинка* вместо провинция, *попросить* вместо выгнать, *уязвимые слои населения* вместо бедняки, *жертва желтого металла* вместо проданный в рабство. Заголовок в газетной статье: «Пенсия у людей третьего возраста стала виртуальной» (Вечерний Бишкек, 12 декабря 2007 г.). У слова *виртуальной* значение в данном контексте «такой маленькой, что почти нереальной и символической» это значение выполняет эвфемистическую функцию.

Таким образом, в языке современных СМИ отмечается циклическая смена культурных коннотаций, заключенных в эвфемизмах: от ценно, **тою** к профанному, от профанного к ироническому. Порядок смены культурных коннотаций может рассматриваться как диалогическая реакция N.I ценностные установки предшествующего периода.

ЛИТЕРАТУРА

[Комлев, 2006] Комлев Н. Г., *Словарь иностранных слов*, М.: Эксмо, 2006.

[Пази.2007: Пази В., *Никаких мемуаров*, С-Пб, 2007.

[Черепанова .00S| Черепанова О. А., *Культурная память в древнем и новом слове*, С-ПУ, 2005.